

ТЕМА ДРУЖБЫ В СВЯТООТЕЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ

Аннотация. В настоящей статье излагается христианское понимание дружбы, нашедшее отражение в святоотеческой литературе. В качестве основных источников использованы житийные повествования и творения святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и блаженного Августина Иппонского, в которых тема дружбы получила наибольшее раскрытие. В статье рассматриваются евангельский и античный взгляды на дружбу. Основное внимание уделяется анализу опыта дружбы вышеуказанных святых отцов Церкви, а также выявлению их характерных воззрений на дружбу, основным из которых является понимание подлинной дружбы как взаимной любви в Боге.

Ключевые слова: Василий Великий; Григорий Богослов; Иоанн Златоуст; Августин Иппонский; святоотеческая литература; дружба; любовь.

В душу человека изначально заложены две потребности – общения с Богом и общения друг с другом. Человек, не имеющий друзей, подсознательно чувствует свое одиночество, покинутость в мире земном. Особенно актуально это в наше время, когда люди все более и более стремятся замкнуться в себе, становятся равнодушнее к чужой боли и чужой радости.

Однако Господь показывает, что мы все-таки не одиноки в этом безжалостном мире. Замечено, что в Священном Писании слово «друг» употребляется почти тысячу раз¹. Оно неоднократно звучит в Ветхом Завете, много о дружбе рассуждает Сам Спаситель в Своей евангельской проповеди (например, в притчах о мудром домоправителе, о богатстве неправедном и т.д.).

Одно из самых возвышенных мест в Евангелии – когда Христос говорит Своим апостолам, а через них и нам: «Вы – друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами <...> но Я назвал вас друзьями» (Ин. 15:14-15). Если Христос сделал нас Себе друзьями, то по Его примеру и мы должны стремиться устранить плод греха в мире – разделение.

Понятие «дружба» несет в себе божественный принцип, но в мире многое искажено грехом, и поэтому апостол Иаков говорит: «Дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак. 4, 4). Мир здесь – не творение, а та бесцельность и нецеломудренность, которая царит в сердцах людей.

Дружба в евангельском смысле не имеет ничего общего с нужными знакомствами, которые мы все стремимся завязать. Христос говорит об этом виде отношений так: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых,

¹ Если друг оказался вдруг... [Электронный ресурс] // Православие и мир: [сайт]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/esli-drug-okazalsya-vdrug/>

чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния» (Лк. 14, 12). Но настоящая дружба вознесена Евангелием на необычайную высоту. Дружба – это служение Богу. «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15: 12-13). Такая дружба была и у святых апостолов Петра и Марка, Павла и Варнавы.

Тема дружбы была общим местом эллинской литературы. Ей отдавали дань поэты, драматурги, философы. Дружба много значила в жизни пифагорейского философского «монастыря». Платон посвятил этой теме несколько диалогов. Восьмая и девятая книги «Никомаховой этики» Аристотеля целиком посвящены этой проблеме, равно как и трактат Цицерона «Лелий, или О дружбе», который и сегодня читается с удовольствием. Сенека в «Нравственных письмах Луцилию» неоднократно обращался к этому вопросу. А Эпикур вообще тему дружбы поставил в центр своей жизнелюбивой философии и утверждал, что это самая большая радость и наслаждение, которое встречается нам в жизни.

Однако в христианской святоотеческой литературе нет, пожалуй, ни одного трактата, ни даже более-менее серьезного текста о дружбе. О логике, этике, математике есть. А о дружбе нет. Христианские авторы ничего не писали о том, как знакомиться с девушкой, как ладить со стариками, как общаться с коллегами по работе, как вести себя с подчиненными, чтобы они любили тебя, но не садились на шею, как правильно вести себя в гостях, как писать письма и отвечать на них и т.д.

Возможно, все дело в том, что наши христианские писатели, особенно первых веков, были очень хорошо образованы и воспитаны. В большинстве своем они получали добротное классическое образование, им с детства прививалась эллинская культура. Поэтому-то наши святые писатели не касались тех, с их точки зрения самоочевидных, вещей, о которых должен знать каждый воспитанный человек. Это вопросы воспитания, вопросы универсальные, и на них не может быть православного ответа.

И все-таки... Тесная дружба связывала первых христиан, и это была дружба во Христе. Святитель Иоанн Златоуст, размышляя о жизни первоапостольской Церкви, говорил: «Друзья дороже отцов и сыновей. Вот дружба – когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждою для себя; когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением»².

² Духанин В. О друге, дружбе и общности [Электронный ресурс] // Православие.Ru: [сайт]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/62237.htm>

В эпоху гонений рассуждать о дружбе особого смысла не было. Но вот наступает иная эпоха, когда узы любви ослабевают. В Церкви оказывается много новых людей, несущих дух обмирщения. Как реакция, в монашеской среде возникает понятие «духовной дружбы». Понятие «духовный друг» мы встречаем уже в комментариях к «Лавсаику» и вообще к древним описаниям жизни подвижников благочестия, монахов в Раифской пустыни, например. Такая дружба, привязанность действительно возникала. Но она отличалась, конечно, от дружбы в ее традиционном понимании³.

Для отцов этого круга относительно дружбы характерны скорее отрицательные категории. Например, у преподобного Антония Великого: «Не своди знакомства с человеком лукавым. Дружба с лукавым – дружба с дьяволом»⁴. И у него же: «Не всем открывай помыслы свои, а только тем, которые могут врачевать душу твою»⁵. То есть не все полезно говорить другу и не всякому суждению его следует верить, но все проверять Священным Писанием, заповедями Божиими. У преподобного аввы Пимена: «В ком сердце твое вполне не уверено, к тому не прилепляйся сердцем твоим»⁶. У преподобного Исаака Сирина: «Будь дружен со всеми людьми, а мыслью своей пребывай один»⁷. Итак, конечно, жертвенная дружба, взаимоотношения между братьями возможны. Но все-таки понятие «монах» значит «одинокый человек». Он строит свои отношения с Богом, и эти отношения – самые главные в жизни. Никакие другие их перевесить не могут.

Конечно, это писания, адресованные прежде всего людям, отрешившимся от мира. Но тем не менее есть отдельные отеческие творения, в которых содержатся некоторые чудесные откровения и размышления о дружбе. Главным образом эти произведения по времени принадлежат к периоду поздней античности, а по характеру к эпистолярному либо автобиографическому жанру. Итак, рассмотрим их подробнее.

Первый опыт дружбы, который запечатлен в произведениях святых отцов, – это дружба двух вселенских учителей Церкви – святителей Василия Великого и Григория Богослова, дружба, прошедшая испытания и сладостной тишиной уединения, и глубоким драматизмом отчуждения.

Оба будущих святителя в поисках высокой образованности, будучи 18 – 20-летними юношами, почти одновременно оказываются в Афинах. Василий и Григорий были знакомы и до того – их пути уже пересекались в Кесарии

³ Изречения святых отцов [Электронный ресурс] // Портал «Чистый Интернет»: [сайт]. Режим доступа: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_5467/

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Каппадокийской, однако именно в Афинах их знакомство переросло в «дружбу», «единодушие» и «родство», о которых даже на склоне лет святитель Григорий не мог вспоминать без душевного волнения. В своем «Надгробном слове» святителю Василию он скажет: «Ища познаний, обрел я счастье... испытал то же, что Саул, который в поисках ослов своего отца обрел царство (basileian)»⁸.

Страницы, которые Григорий посвятил своей дружбе с Василием, являются одним из самых ярких во всей патристической литературе описаний дружбы: «Когда по прошествии времени открыли мы друг другу свое желание и стремление посвятить жизнь философии, тогда уже стали мы друг для друга все – друзья, сотрапезники, родные; стремясь к одному и тому же, мы непрестанно возгревали друг в друге это желание, делая его все более пламенным и твердым. Ибо плотская любовь (erôtes), поскольку направлена на скоропреходящее, и сама скоро преходит, уподобляясь весенним цветам... А та любовь, что по Богу, и сама целомудренна, и объект ее – непреходящее, а потому она долговечна; и чем большая представляется красота имеющим такую любовь, тем крепче привязывает эта красота к себе и друг к другу влюбленных в одно и то же... Так относясь друг к другу и такими золотыми столпами подперев чертог добродетельный... простирались мы вперед, имея сотрудниками Бога и свою любовь. О, как перенесу без слез воспоминание об этом? Равные надежды руководили нами в деле самом завидном – в учебе; впрочем, зависть была далека от нас, ревность же делала еще более усердными. Оба мы боролись не за то, чтобы кому-либо из нас самому стать первым, но за то, чтобы уступить первенство другу, ибо каждый из нас славу друга считал своей собственной. Казалось, одна душа в обоих носит два тела; и хотя не следует верить утверждающим, что все разлито во всем, однако нам нужно верить, что мы были один в другом и один возле другого. Одно занятие было у нас обоих – добродетель и жизнь для будущих надежд, отрешаясь от здешнего еще прежде исхода отсюда. Стремясь к этой цели, всю свою жизнь и деятельность направляли мы к ней, руководствуясь в этом заповедью и поощряя друг друга к добродетели; и если не дерзко для меня так выразиться, мы были друг для друга и правилом и отвесом, с помощью которых распознается, что прямо, а что – нет»⁹.

В этих строках можно увидеть ностальгическую идеализацию юношеской дружбы, особенно если учесть, что писались они много лет спустя, когда Василия уже не было в живых. Кажется, что по-человечески Григорий был больше привязан к Василию, чем Василий к нему. Отношения между ними строились на основе взаимной преданности друг другу и ра-

⁸ Цит. по: Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. С. 43.

⁹ Там же. С. 44-45.

венства в правах, тем не менее Григорий всегда воспринимал Василия как старшего и главного. Это был тот случай, когда дружба в каком-то смысле переросла в ученичество. «Мое дело – следовать за ним, словно тень за телом»¹⁰, – говорил Григорий. Он искренне считал Василия «в жизни, слове и нравственности превосходящим всех»¹¹, кого он когда-либо знал.

Окончив обучение, Василий возвращается на родину, где создает монашескую общину. Он зовет к себе Григория, помня об их мечтах и взаимном обещании вести философскую жизнь по окончании учебы. Здесь, в Понтийской пустыне, друзья предаются аскетическим подвигам, о которых Григорий, вернувшись домой, вспоминал в письмах, посланных Василию. В одном из них он с восторгом говорит: «Кто вернет мне эти псалмопения, бдения, молитвенные восхищения к Богу, эту как бы нематериальную и бесплотную жизнь? Кто вернет согласие и единодушие братьев, которых Ты ведешь на высоту и к обожению?»¹²

В 370 г. умирает епископ Кесарийский Евсевий, и наиболее вероятным его преемником становится Василий. Еще прежде, чем новость о кончине Евсевия достигла Назианза, Григорий получил письмо от Василия, в котором последний извещал его о своей болезни и просил приехать как можно скорее. Григорий был глубоко опечален, так как вообразил, что его друг умирает, и немедленно отправился в путь. Однако в дороге он узнает о предполагаемом избрании Василия. Тогда Григорий посылает ему с дороги письмо, в котором упрекает друга в обмане относительно болезни и выказывает отказ ехать, хотя кандидатуру Василия поддержал.

Переписка Григория с Василием после избрания последнего архиепископом Кесарии Каппадокийской была достаточно регулярной. В основном она сводилась к тому, что Василий приглашал Григория к себе, а тот под разными предлогами отказывался приехать.

Самый драматический момент в истории дружбы двух великих святителей Церкви – поставление Василием своего друга епископом в провинциальный городок Сасимы. Григорий расценил это так, что он стал жертвой церковной интриги и что его лучший друг подставил его под удар. Его возмущение было велико. Во всем происшествии он увидел прежде всего следствие гордости Василия, который, получив архиерейскую кафедру, забыл о законах дружбы: «Тогда... пришел к нам возлюбленный из друзей, Василий – со скорбью говорю, однако же скажу – мой второй отец, еще более тягостный... Не знаю, самого ли себя, исполненного

¹⁰ Цит. по: Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова С. 46.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 51.

грехов... обвинять за случившееся – оно все еще, как недавнее, приводит меня в волнение, – или обвинить твою гордыню, до которой довел тебя престол, о благороднейший из людей?.. Что же случилось с тобой? За что вдруг так далеко отбросил ты нас? Да погибнет в этой жизни закон дружбы, которая так уважает друзей! Вчера были мы львами, а теперь я стал обезьяной, а ты почти что лев. Если бы даже и на всех своих друзей – скажу высокомерное слово! – так смотрел ты, то и тогда не следовало бы так смотреть на меня, которого когда-то ставил ты выше прочих друзей, пока не вознесся за облака и не стало все ниже тебя»¹³.

Григорий обвиняет своего друга во властолюбии и жадности и спустя некоторое время покидает кафедру. Пребывая в уединении, Григорий посылает Василию письма, исполненные горечи и желчи: «А я выскажу то, что у меня на сердце, и не гневайся на меня... ты мужайся, побеждай и все влечи к собственной славе, как река, поглощающая весенние потоки, ни дружбы, ни привычки не предпочитая добродетели и благочестию... Мы же одно только приобретем от твоей дружбы – что не будем верить друзьям и ничего не предпочтем Богу»¹⁴.

И лишь на похоронах Григория-старшего происходит примирение друзей. Григорий слишком сильно любил Василия, чтобы не простить нанесенные ему обиды, хотя они так и останутся в его душе незаживающими ранами.

1 января 379 г. умер святитель Василий. Эта смерть стала для Григория таким потрясением, что отодвинула на второй план все прежние обиды. В одном из своих писем он с горечью пишет: «И это выпало на мою скорбную долю – услышать о смерти Василия, об исходе святой души, которым ушла она от нас и преселилась к Господу, всю жизнь свою превратив в заботу об этом!»¹⁵ И в другом: «Спрашиваешь, как наши дела. Крайне горьки. Нет у меня Василия, нет и Кесария – нет ни духовного, ни плотского брата»¹⁶. Тем не менее Григорий не поехал на похороны Василия – возможно, по болезни, а может быть, потому, что не угасло еще в душе воспоминание о пережитых скорбях.

Впоследствии, уже будучи на покое, Григорий составит в память Василия Великого «Надгробное слово» – одно из лучших своих творений. Оно станет не только памятником самому Василию, но и свидетельством окончательного примирения между двумя людьми, чья дружба не раз подвергалась суровым испытаниям.

¹³ Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. С. 73-74.

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 77.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 79.

Ряд важных размышлений, связанных с темой дружбы, можно обнаружить в творениях святителя Иоанна Златоуста. Святитель высоко ценил ее. «Лучше во тьме пребывать, чем без друга», – говорил он¹⁷.

Из знаменитых «Слов о священстве» самого Златоуста мы можем заключить, что в юности у него было немало друзей, «искренних и верных». В том же произведении Златоуст повествует о своей удивительной дружбе с одним из них – неким диаконом Василием, который, как пишет святитель, «из многих один превосходил всех других любовью ко мне» и «всегда был неразлучным спутником моим»¹⁸.

Этот юношеский опыт дружбы святитель пронес через всю жизнь. В одной из своих бесед, посвященных добродетели любви, Златоуст воспекает настоящий гимн дружбе. «Почему ты один? – восклицает святитель. – Почему не приобретаешь многих друзей?.. Почему не устрояешь дружбы, этой величайшей похвалы для добродетели?.. Не будь со многими в нечестии, готовь себе друзей прежде жилища, прежде всего прочего... Дьявол побуждает нас быть всем врагами, а Бог повелевает всех считать друзьями и любить»¹⁹.

«Такова сила любви; она не только объемлет, соединяет и связывает присутствующих, находящихся вблизи нас и на наших глазах, но и далеко отстоящих от нас; и ни продолжительность времени, ни дальность дорог, ни другое что подобное не может разорвать и расторгнуть душевной дружбы. Любящему нужно так любить, что, если бы у него попросили душу и возможно было отдать ее, он не отказывался бы, потому что нет ничего равного искреннему другу»²⁰.

«Любящий хочет лучше давать, чем принимать, желает лучше иметь друга должником, чем сам быть должным ему... Не разумейте здесь, прошу вас, просто друзей, соучастников в трапезах, считающихся друзьями по одному лишь имени; кто имеет друга, о котором я говорю, тот поймет мои слова. Друг сладостнее настоящей жизни. Вот почему многие после кончины друзей не желали даже и жить более. Подлинно, друг вожделеннее самого света. Лучше для нас, чтобы погасло солнце, чем лишиться друзей. Многие, хотя и видят солнце, пребывают во мраке; а кто имеет

¹⁷ Цит. по: Иоанн Златоуст [Электронный ресурс] // Афоризмы [сайт]. Режим доступа: <http://frazochka.ru/authors/3820.html>

¹⁸ О священстве. Слово первое // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Издание Санкт-Петербургской Духовной Академии, 1895. С. 395.

¹⁹ Беседа I. О любви // Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 12. Кн. 2. М.: Радонеж, 2004. С. 474.

²⁰ Там же. С. 478.

в избытке друзей, тот не может потерпеть никакой скорби. Но если чья-нибудь дружба вредит тебе, отвергни ее от себя. Если мы часто отсекаем те или другие из наших членов, когда они бывают неисцелимо больны и вредят другим, то тем более то же нужно делать в отношении души. Ничто так не вредно, как дурное сообщество. То, чего не в состоянии сделать необходимость, часто может сделать дружба, как во вред, так и на пользу»²¹.

Чудесные размышления оставил нам Златоуст в письмах к своей возлюбленной духовной дочери диаконисе Олимпиаде, с которой был связан крепкой духовной дружбой. Будучи изгнанным в ссылку, он с болью писал ей: «Перенести разлуку с любимой душой – это подвиг немалый, для него нужны и очень мужественная душа, и любомудрый ум <...> Для любящих недостаточно одного лишь соединения друг с другом душой, они не довольствуются этим для утешения себя, а нуждаются и в телесном присутствии друг подле друга; и если это не приходит, то исчезает немалая доля радости»²².

Однако, пожалуй, никто из христианских авторов не отвел дружбе столько места в своих творениях и никто не написал о ней так искренне, как блаженный Аврелий Августин, епископ Иппонский. Наделенный от природы необычайной широтой души, талантом психолога и наблюдательностью, блаженный Августин смог удивительно описать собственный опыт дружбы в своей знаменитой «Исповеди».

Будучи подростком, Августин обретает первых в своей жизни друзей, которые, увы, увлекают его во грех. Об этом первом обретении и разочаровании святитель впоследствии напишет: «Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам покидает Лучшее и Наивысшее, Тебя, Господи Боже наш, правду Твою и закон Твой»²³.

Будучи шестнадцатилетним подростком, Августин прямо-таки «сходит с рельсов». Вместе со школьными друзьями он крадет груши, о чем будет раскаиваться всю жизнь: «О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и в забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой... а просто потому, что говорят: "Пойдем сделаем", и стыдно не быть бесстыдным»²⁴.

Во время пребывания в Карфагене (столичном городе Африки) юноша Августин ведет распущенную жизнь в компании разнузданных свер-

²¹ Беседа I. О любви // Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 12. Кн. 2. М.: Радонеж, 2004. С. 478-479.

²² Письма к Олимпиаде. Письмо 2-е, 11, 12 // Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: В 12 т. Т. 3. Кн. 2. М.: Радонеж, 2006. С. 588-589.

²³ Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 2, V, 10. М.: Ренессанс, 1991. С. 79-80.

²⁴ Там же. Кн. 2, IX, 17. С. 84.

стников: «Я жил среди них, постыдно стыдясь, что сам не был таким; я бывал с ними, иногда мне было приятно с ними дружить, но поступки их всегда были мне отвратительны»²⁵.

Вскоре Августин увлекся манихейством: он водил дружбу, вероятно, с видными манихеями, понимавшими, какое приобретение для них этот юноша, и она, видимо, ему льстила: «Эта дружба, как цепь, много раз обвилась вокруг моей шеи», – вспоминал Августин²⁶.

И именно в этот период, вернувшись в Тагасту, он встречает своего самого близкого друга, обретение и внезапная утрата которого оставили неизгладимый след в его душе: «В эти годы, когда я только что начал преподавать в своем родном городе, я завел себе друга, которого общность наших вкусов делала мне очень дорогим. Был он мне ровесником и находился в том же цвету цветущей юности. Мальчиками мы росли вместе, вместе ходили в школу и вместе играли. Тогда мы еще не были так дружны; хотя и впоследствии тут не было истинной дружбы, потому что истинной она бывает только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу "любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам". Тем не менее созревшая в горячем увлечении одним и тем же, была она мне чрезвычайно сладостна. Я уклонил его от истинной веры (у него, юноши, она не была глубокой и настоящей) к тем гибельным и суеверным сказкам, которые заставляли мать мою плакать надо мною. Вместе с моей заблудилась и его душа, а моя не могла уже обходиться без него <...> И вот Ты... взял его из этой жизни, когда едва исполнился год нашей дружбе, бывшей для меня сладостнее всего, что было сладостного в тогдашней моей жизни»²⁷.

Для Августина смерть его юного друга была крушением мира, и он выбрался из-под его обломков только благодаря неистребимой жизненной силе физически здоровой юности. Для рассказа о смерти друга у него нашлись слова, которые и через полторы тысячи лет ударяют по сердцу: «Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом обителью беспросветного горя; все, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел все, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: «Вот он придет», как говорили об отсутствующем, когда он был жив <...> Хорошо

²⁵ Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 3, III, 6. С. 89.

²⁶ Цит. по: Питирим, архиеп. Волоколамский. О Блаженном Августине // Богословские труды. Вып. 15. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1976. С. 9.

²⁷ Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 4, IV, 7. С. 107.

сказал кто-то о своем друге: "половина души моей". И я чувствовал, что моя душа и его душа были одной душой в двух телах, и жизнь внушала мне ужас: не хотел я ведь жить половинной жизнью. Потому, может быть, и боялся умереть, чтобы совсем не умер тот, которого я так любил»²⁸.

Не в силах перенести смерть любимого человека, Августин отправляется последовательно в Карфаген, Рим и Милан. И везде его поддерживают ближайшие друзья. Человек горячего и нежного сердца, обладавший редким даром к дружбе без износу, Августин тепло вспоминал общение с ними: «Мы, круг друзей, давно уже составляли планы свободной жизни вдали от толпы: беседуя о ненавистных тревогах и тяготах человеческой жизни, мы почти укрепились в нашем решении. Эту свободную жизнь мы собирались организовать таким образом: каждый отдавал свое имущество в общее пользование; мы решили составить из отдельных состояний единый сплав и уничтожить в неподдельной дружбе понятия "моего" и "твоего"; единое имущество, образовавшееся из всех наших средств, должно было целиком принадлежать каждому из нас и всем вместе»²⁹.

Особенно радостным был для него миланский период, когда он, находясь в обществе друзей, вместе с ними предавался мечтам о философском созерцании в удалении от всяких общественных обязанностей. Все вместе они занимались грамматикой, риторикой, комментированием различных литературных произведений. Потом все беседовали на философские темы (если было тепло, то в саду, если холодно, то в помещении). Таким образом, образовался как бы некий философский «Августиновский кружок».

После смерти своей матери Моники Августин вернулся домой, в Тагасту, в сопровождении близких друзей. Здесь они объединились в общину, чтобы жить монашеской жизнью.

Уже будучи епископом, блаженный Августин возглавил в Гиппоне монашескую общину, в которую вовлек весь клир города. И даже здесь он не изменял своим принципам дружбы. По словам ученика Августина и члена этой общины Поссидия, за общим столом было запрещено злословить, о чем обедающих оповещало написанное на стене двустиише: «Жизнь чужую угодно тебе чернить и позорить? Прочь уйди от стола – ты недостойн его»³⁰.

Достигнув чистоты сердца, блаженный Августин обобщил свой богатейший опыт дружбы, заключив его во фразе, ставшей афоризмом: «Существует высшая дружба, основанная не на привычке, а на разуме, при кото-

²⁸ Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 4, IV, 9; VI, 11. С. 108, 110.

²⁹ Там же. Кн. 6, XIV, 24. С. 163.

³⁰ Цит. по: Питирим, архиеп. Волоколамский. О Блаженном Августине // Богословские труды. Вып. 15. С. 23.

ром человек любит своего друга благодаря верности и доброй воле. Если мы можем найти что-либо выше такой дружбы, это божественная любовь. Человек начинает любить Бога и любит Его в каждом другом человеке»³¹.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Каждый из нас призван к общению. Личные качества и общие интересы объединяют и сплачивают. И как святые не замыкались в себе, так и мы не должны ограничивать общение с другими людьми, ибо то, что замыкается, гибнет.

Святые отцы, писавшие о дружбе, непременно **отличали подлинную дружбу от дружбы поверхностной**, которую и дружбой-то назвать нельзя. Но и порицать эти отношения, сводить к лицемерию или вранью неверно. Назовем это **искусством ладить с людьми**, которому следует учиться и учить с детства.

Однако подлинная дружба иная. Святитель Григорий Богослов, вспоминая дружбу с будущим святителем Василием Великим, называл ее **опытом слияния сердец**. Поэтому утрата друга всегда переживалась как смерть частицы самого себя.

При этом подлинная дружба в ее высшем проявлении возможна только **в Боге**, и такая дружба есть **любовь**. Настоящим гимном такой дружбы может служить замечательное восклицание к Богу блаженного Августина: «Блажен, кто любит Тебя, в Тебе друга и ради Тебя врага. Только тот не теряет ничего дорогого, кому все дороги в Том, Кого нельзя потерять»³².

Сведения об авторе. Иеромонах Иосиф (Лужнов Роман Владимирович) – кандидат богословия, заведующий кафедрой богословия Коломенской духовной семинарии (e-mail: luzhnov@yandex.ru).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврелий Августин. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеевко. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с. – (Памятники религиозно-философской мысли).
2. Афоризмы и цитаты Августина Блаженного [Электронный ресурс] // Цитаты и афоризмы [сайт]. Режим доступа: <http://citaty.su/aforizmy-i-vyskazyvaniya-avgustina-blazhennogo>
3. Духанин В. О друге, дружбе и общности [Электронный ресурс] // Православие.Ru: [сайт]. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/62237.htm>
4. Если друг оказался вдруг... [Электронный ресурс] // Православие и мир: [сайт]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/esli-drug-okazalsya-vdrug/>

³¹ Афоризмы и цитаты Августина Блаженного [Электронный ресурс] // Цитаты и афоризмы [сайт]. Режим доступа: <http://citaty.su/aforizmy-i-vyskazyvaniya-avgustina-blazhennogo>

³² Аврелий Августин. Исповедь. Кн. 4, IX, 14. С. 112.

5. Изречения святых отцов [Электронный ресурс] // Портал «Чистый Интернет»: [сайт]. Режим доступа: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_5467/

6. Иларион (Алфеев), еп. Жизнь и учение святителя Григория Богослова / Изд. 3-е, испр. и дополн. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. – 592 с. – (Православное богословие).

7. Иоанн Златоуст [Электронный ресурс] // Афоризмы [сайт]. Режим доступа: <http://frazochka.ru/authors/3820.html>

8. Питирим, архиеп. Волоколамский. О Блаженном Августине // Богословские труды. – Вып. 15. – М.: Издательство Московской Патриархии, 1976. – С. 3–24.

9. Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: В 12 т. – Репр. воспр. изд. 1897 г. (С.-Петербург). – М.: Православное братство «Радонеж». – Т. 3. – Кн. 2. – 2006. – 961 с.

10. Полное собрание творений свт. Иоанна Златоуста: В 12 т. – Репр. воспр. изд. 1906 г. (С.-Петербург). – М.: Православное братство «Радонеж». – Т. 12. – Кн. 2. – 2004. – 956 с.

11. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста: В 12 т. – СПб.: Издание Санкт-Петербургской Духовной Академии. – Т. 1. – Кн. 1. – 1895. – 883 с.

Hieromonk Joseph (Luzhnov R. V.)

THEME OF FRIENDSHIP IN THE PATRISTIC HERITAGE

Abstract. This article attempts to describe the Christian understanding of friendship as reflected in the patristic literature. The main sources used are the life stories and works of St. Basil the Great, Gregory the Theologian, John Chrysostom and St. Augustine Ipponsky, in which the theme of friendship was greatly revealed. The article examines the evangelical and antique viewson friendship. The focus is on analyzing the friendship experience of the above-mentioned holy fathers of the Church, as well as on identifying their characteristic views on true friendship, seen mainly as mutual love in God.

Keywords: Basil the Great; Gregory the Theologian; John Chrysostom; Augustine of Ippon; patristic literature; friendship; love.

Author information. Hieromonk Joseph (Luzhnov Roman Vladimirovich) – Candidate of Theology, Head of the Theology Department of the Kolomna Theological Seminary (e-mail: luzhnov@yandex.ru).